

Литературные известия

№ 11 (233)

Ноябрь 2024

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня в
номере:

Атланты литературы

*

Проза

*

Поэзия

*

Рецензии

*

Литературоведение

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

**ХОЛДИНГОВАЯ
КОМПАНИЯ**

«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**РАБОТАЕТ
НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ 21 ГОД**

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ
ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ
КНИГУ!**

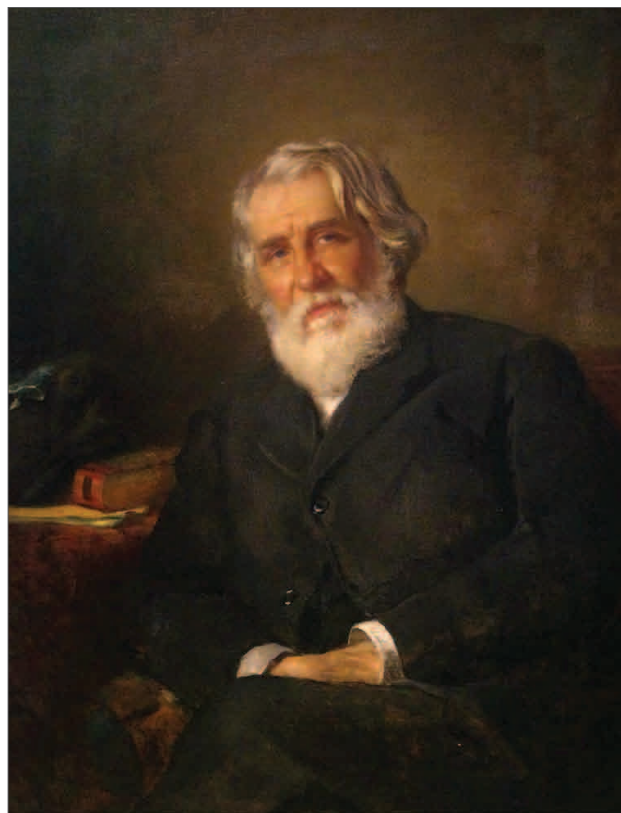
www.west-consulting.com.ru

«НАЧАЛО ЛЮБВИ И СВЕТА...»

(ПАМЯТИ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА)

«Необходимо всем писателям сплотиться вместе
и встать на защиту святой веры от врагов ея».

И. С. Тургенев

Картина К. Е. Маковского «Портрет И. С. Тургенева»,
1871 год

О Тургеневе было не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляли как «атеиста», «либерала», «западника», «русского европейца».

Но, к сожалению, это не только атеистические либо иноверческие трактовки, лукаво насаждаемые, как плевелы среди пшеницы, на протяжении долгих десятилетий.

Еще Н. С. Лесков писал о том, как «многokrato, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» — «представитель и выразитель умственного и нравственного роста России». Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; продажные консерваторы «язвили его злоехидно». Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватились зубами за свой собственный хвост». По лесковскому замечанию, «осмеять можно все, как все можно до известной степени опозлить. С легкой руки Цельзиза было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения».

Некоторые начетники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: «Сколько раз в год ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Часто ли исповедовался, причащался?»

Однако с такими вопросами к душе человеческой в праве подходить лишь Бог. Хорошо бы здесь припомнить наставление апостольское: «Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь» (1 Кор. 4:5).

Только в самые последние годы отдельные тургеневеды не смогли не признать, что Тургенев в своем творчестве делал «определенные шаги на пути к христианству». Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. Превратное представление о Тургеневе как об атеисте, укорененное в советском профессиональном литературоведении и в бытовом сознании, бывало долгие десятилетия. В качестве аргументов беспардонно шли в ход и некоторые тургеневские высказывания, иезу-

итски выдернутые из контекста, и образ жизни — по большей части вдали от родины, «на краю чужого гнезда», и даже обстоятельство смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблагодатной позиции не явил в собственной жизни высоких образцов ни святости, ни аскетизма, ни праведничества, ни выдающегося таланта. Добротолубие учит: «Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Бога». По всей видимости, «обвинители», «пересуждающие» жизнь и творчество писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: «Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7:1–2).

Всем ли удастся в свое время сподобиться «христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом», о чем молится Церковь? Что будет с каждым из нас по выходе из «кожаной ризы», надетой на земле? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только «на Страшном суде узнаем», — как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: «Аз есмь Истина, и Путь, и Жизнь» (Ин. 14:6), — единственно

истинный подход к любому явлению жизни. «Кто учит иному, — говорит апостол Павел, — и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благодетели, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины» (1 Тим. 6:3–5).

Господь каждому дает свои таланты и свой крест — по плечам и по силам. Так что взваливать все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник, убиенный поэт Николай Мельников в поэме «Русский крест»:

Крест взвали себе на плечи,
Он тяжел, но ты иди,
Чем бы ни был путь отмечен,
Что б ни ждало впереди!
— В чем же крест мой? Кто же знает?
На душе — один лишь страх!
— Все Господь определяет,
Всякий знак — в Его руках.

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить свое Отечество доброю славою во всем мире.

Писатель жизнь свою положил, в том числе на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомить с ней Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Его личность и творчество светят на весь мир.

В год кончины Тургенева его друг поэт Я. П. Полонский говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что «неспособен написать роман, повесть, главными действующими лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если не тело». «Мне для работы, — скажет он Эдмону де Гонкуру, — нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако еще лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе

Окончание на стр. 2

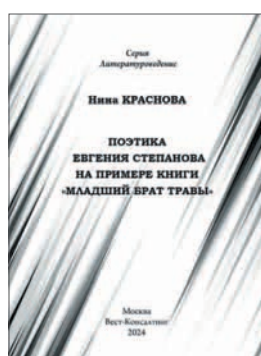
НОВОСТИ

НОВАЯ КНИГА НИНЫ КРАСНОВОЙ

Монография Нины Красновой «Поэтика Евгения Степанова на примере книги “Младший брат травы”» поступила 21.10.2024 в магазин «Фаланстер».

Не пропустите!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Окончание. Начало на стр. 1

как бы разлит запах вина...» Эдмон де Гонкур заключал: «Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное упоение и наслаждение работой, какие он испытывал в затерянном уголке старой России».

Космополитом Тургенев никогда не был и родиной своей не торговал. Где бы писатель ни жил: в столицах или за границей, — неизменно душой он стремился в свое родовое имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Здесь всегда перед его взором был древний фамильный образ Спаса Нерукотворного.

Нельзя без волнения читать строки письма Тургенева к Ж. А. Полонской от 10 августа 1882 года — за год до смерти: «Продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию, а я, несмотря на болезнь, питаю надежду провести все будущее лето в Спасском, а в Россию вернуться в течение зимы. Продать Спасское значит для меня — лечь в гроб, а я еще желаю пожить, как ни мало красна жизнь для меня в настоящее время».

В своем художественном творчестве Тургенев изображал жизнь в свете христианского идеала. Но все грубые наслоения хрестоматийного глянца, вульгарно-идеологических трактовок (в том числе режиссерско-постановочных) и домыслов зачастую не позволяют современному читателю пробиться к истинному смыслу писательского наследия, посвятить ему углубленное осознанное прочтение. Вникнуть в произведения Тургенева заново, осмыслить его творчество с христианских позиций — задача важная и благотворная. Об этом моя книга «Христианский мир И. С. Тургенева».

Писатель показал, что именно духовное, идеальное содержание — основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия. Из этого во многом соткано таинство поэтики Тургенева, его дивных художественных образов.

Среди них — «истинно преподобная» праведница и страдальца Лукерья («Живые мощи»). Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. «Посему мы не унываем, — учит апостол Павел, — но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия», — справедливо отмечал выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест — значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (3, 332) — по слову Христа: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 38).

Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего — писателю, создавшему ее образ. Так же, как и «тишайший» образ истинной православной христианки Лизы Калитиной — кроткой и самоотвержен-

ной, нежной и мужественной — главной героини романа «Дворянское гнездо».

Весь этот роман овеян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы проистекает не только из частного несчастья главных героев — Лизы и Лаврецкого, но из общих многове-

Лиза и Лаврецкий у пруда. Иллюстрация К. И. Рудакова к роману «Дворянское гнездо»

ковых страданий земли русской, русского народа-страстотерпца. Неслучайно писатель-христианин орловец Б. К. Зайцев объединил тургеневских героинь — молитвенницу Лизу и страдальца Лукерью — с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как «заступниц» перед Богом за Русь, за русский народ: «Лукерья такая же заступница за Россию и всех нас, как смиренная Агашенька — раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза».

«НАЧАЛО ЛЮБВИ И СВЕТА...»

(ПАМЯТИ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА)

Стихотворение в прозе «Два богача» показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного угнетателями всех мастей, над богатейшим в мире банкиром.

Ротшильд имеет возможность без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13). Какой огромный смысл в крохотном по объему тургеневском тексте:

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катю, — говорила баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку послать...

— А мы ее... и не соленую, — ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!»

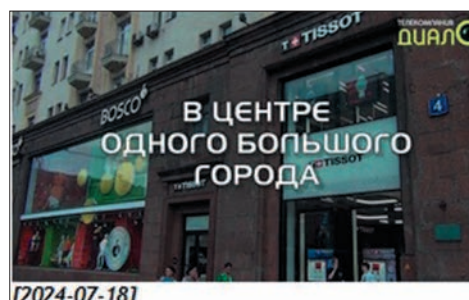
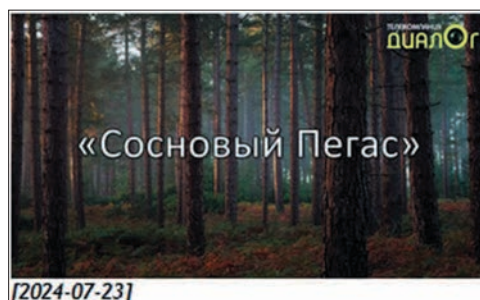
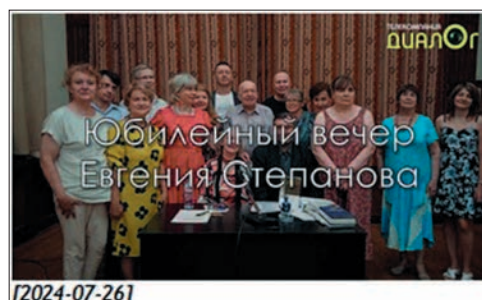
Самое главное в русской классической литературе в целом и в частности в тургеневском творчестве — ценнейшей составляющей отечественной классики — это Христос, христианская вера, одухотворенная русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

По отзыву М. Е. Салтыкова-Щедрина, в тургеневской прозе заключено «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом». После чтения произведений Тургенева «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора».

Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, «реальное» с «идеальным», овеяна одухотворенным лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от «Бога живого» (2 Кор. 6:16), «В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2:3), «Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:36).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей России,
историк литературы

РЕКЛАМА

«Диалог» —
ЭТО ВАШ ТЕЛЕКАНАЛ!

ТЕЛЕКОМПАНИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА «Диалог»
СОЗДАЕТ ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ И ФИРМАХ,
КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ЖИЗНИ

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04

адрес электронной почты: stepanov@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПРОЗА XXI ВЕКА: РОМАНЫ ИОСИФА РУХОВИЧА «ДВА НАЧАЛА» И «СУК, НА КОТОРОМ СИДИШЬ»

Но если есть в страницах дух святой,
И перейдет к нам в головы и души,
То вдруг окажется, что текст живой!
Над нами властвует и нам же служит...

Иосиф Рухович

Разбирая художественное произведение «по горячему», лицом к лицу с неисчерпаемостью художественного текста, можно не то увидеть и не разгадать Замысел. Но выразить свое впечатление хочется сразу. Проза захватывает естественным, но очень необычным языком, самобытным стилем и, прежде всего, приключениями мысли и развитием чувств.

Среди множества игр, которые затевает с нами автор, есть и такая — в романах не только художественный текст, но и элементы анализа действительности на достаточно высоком уровне. Планка поднята.

Построение романов весьма необычно. Основное изложение ведется главным героем — еще одна игра. Сам автор, не вмешиваясь в повествование, изредка комментирует отдельные моменты. Такой литературный прием не нов, но выглядит свежо и — главное — органично.

В повествование вмешивается и героиня, дневниковыми записями осуществляя очень важное для замысла женское начало. Описываемое время проступает объемно до физического ощущения.

По страницам проплывают лирические строчки, воспринимаемые как поэтические иллюстрации, как литературный прием. Но с чтением приходит понимание — строчки плывут в голове героя, еще не подозревающего, что он поэт. Очередная и очень интересная игра, заставляющая читателя переключать полушария и повышать стереоскопию романов.

Два начала пронизывают романы насквозь. Наука и искусство, логическое и образное мышление, любовь и быт и так далее. Мы привыкли к однополярным героям: либо художник, либо математик (в самом общем смысле). А в романах Руховича герой дан в процессе размышлений и свершений, как в науке, так и литературе. Недаром автор приводит в своих многочисленных эпиграфах мысль академика Раушенбаха: «В реальной жизни отличие двух типов знания состоит в том, что в некоторых случаях доминирует логическая компонента, а в других — образная. Есть, конечно, и небольшое количество людей, одинаково владеющих обоими типа-

ми мышления». Вот такого героя автор выделил среди «небольшого количества людей». Относительно новый герой для нашей — и не только — литературы.

Об эпиграфах. «Сук, на котором сидишь», разрушает привычный стереотип о цитатах, вынесенных в заголовок. Мы привыкли к эпиграфам в количестве одного-двух, изредка чуть больше. Как вдруг у Руховича эпиграфов несколько десятков и составляют отдельную главку со своими сюжетами. Не припомню такого в литературе... Разве что у Германа Мелвилла в романе «Моби Дик»? Правда, у Мелвилла «извлечения», посвященные китам и левиафанам.

В романе Руховича эпиграфы выполняют существенную роль, взаимодействуя с текстом, становясь его частью. Читать умные мысли великих вообще приятно, но тут используется и неконтролируемое подсознание читателя, формируются ожидания, и мы вовлекаемся в беседу умных людей. В тексте эпиграфы еще не раз всплывут и, конечно же, будут рассматриваться с точки зрения то приземленной, то уходящей куда-то в поднебесье.

Мысль Тютчева о душе, жилище двух миров, пронизывает романы Руховича насквозь. Витая в эмпиреях, герои стараются стоять на земле. Земля шатается, и почва постоянно уходит из-под ног, но они честно делают свое дело.

Оригинальную прозу определяют, прежде всего, стиль и язык.

Что такое стиль разбирать не будем, слишком сложен вопрос. Удовлетворимся шуткой Джонатана Свифта — нужное слово на нужном месте. Правда, нам, читателям, следует если не понять, то почувствовать — то ли слово и там ли стоит. Но интуитивное восприятие никто отнять у нас не может, проза читается с большим увлечением. Иосиф Рухович — поэт, талантливый поэт, о чем свидетельствует подборка стихов в конце романа, и о которой должен быть отдельный разговор. Этот прием взят из «Доктора Живаго» Бориса Пастернака. И у Руховича стихи взаимодействуют с текстом и порождают множество смыслов. Проза романов не является так называемой поэтической, хотя частенько ритмически организована. Особенно впечатляет диалог с Моной Лизой в главе «Сон в технике сфумато» в «Двух началах». Это проза, полностью удовлетворяющая формуле Некрасова: «Прозаик целым рядом черт, — разумеется, не рабски подмеченных, а художественно схваченных, — воспроизводит физиономию жизни...».

В романах Руховича и поэтический, и прозаический способы «воспроизведения физиономии жизни», переплетаясь, образуют монолитное единство.

Стилю автора свойственна разноплановость. Вы найдете страницы, полные неподдельного трагизма, например, сцена похорон студента, и комизма в рассказе о первой встрече героя с унитазом. Кстати, юмор автора, иронию и самоиронию, следует отметить как заметный штрих стиля. Это не гомериче-

ский хохот, не смех сквозь слезы, это почти обыденность и даже частенько незаметность.

Найдете вы и полные лиризма описания природы, людей, городов и даже промышленных объектов. С тонкой деталью и углублениями в природу и теорию красоты, с привлечением архитектуры, живописи, музыки и, конечно, литературы. И вот тут-то мы подходим к заголовку статьи — что есть проза XXI века?

Автор исключительно уважительно относится к наследию и традициям русской и мировой литературы и, в тоже время, язык его остро современен. Без оригинальничания, без конструирования «расширения русского языка», без неологизмов, без ненормативной лексики и вообще заигрывания с читателем. Язык воспринимается как разговорный, хотя автор хорошо понимает разницу между устной и письменной речью.

С нами ведут интеллектуальные беседы как с равными участниками творческого процесса. И вот тут-то читателями ощущаются непривычные отношения с текстом и автором.

В современной прозе в огромных количествах присутствует информация. Она буквально лезет из строчек, как фарш из мясорубки. Но вот в сочные, вкусные и полезные

котлеты в большинстве случаев не превращается. В романах Руховича сведений, извлеченных из художественной и научной литературы тоже более чем достаточно. Но нам не просто что-то сообщают, читатели как бы участвуют в творческом процессе. И получают знания.

Включение читателей в работу происходит не только на уровне содержания, но и постижения художественного текста. Автор предпочитает немногочисленные, но точные детали. Дорисовывать, додумывать остается читателям в меру опыта и таланта. То есть автор предлагает стать соавтором своего художественного полотна, а не пассивным зрителем.

Андрей Битов как-то дал чудесную метафору, представившую писателей композиторами, набросавшими знаки на бездушную бумагу, а читателя исполнителем великих произведений. Вот этому направлению неукоснительно следует Иосиф Рухович. И именно об этом пытается договориться с читателем, приглашая, повторюсь, в соавторы. Как это ему удастся — судить каждому.

Но главное все-таки — приключения мысли. Автор разворачивает в своих романах процесс решения тех или иных задач, проблем и даже жизненных коллизий. Мы следим за мыслью и сами учимся мыслить. И чувствовать, кстати, тоже, ибо оба полушария автора слаженно работают. Автор убеждает нас, что думать надо уметь и демонстрирует собственную технику мышления.

Круг героев Иосифа Руховича — люди, способные творить и любить, и вот их соотношение со временем, в котором они живут, и интересует автора. Рассказанную конкретную историю жизни обобщать уже будет читатель.

Взгляд из провинции дает широкую панораму жизни страны. Романы охватывают не самые простые периоды времени — от пятидесятих годов, с проникновением и глубже, до девяностых годов прошлого века, до распада страны. Герои сталкиваются с перипетиями жизни и далеко не везде и всегда выходят победителями в схватке с обстоятельствами. Но все-таки не сдаются, и что-то, пусть далеко не все, им удастся свершить.

Пётр ГУЛДЕДАВА,

Заслуженный писатель МГО СП России,
член Академии российской литературы
и Союза писателей XXI века

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —

новая современная писательская организация,
идущая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей.

www.writer21.ru

ПРИГЛАШАЕМ ВАС НА ПЛК

Занятия проходят на безвозмездной основе.

Запись на ПЛК по телефону 8 (495) 978 62 75 (с 10.00 до 17.00)

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

«Лирический орнамент» — книга Сергея Каратова, название которой говорит нам о том, что речь в ней пойдет о вещах серьезных. В древности орнаменты играли магическую роль оберегов, отпугивавших злые силы и привлекавших изобилие. И колы прозвучало в названии книги слово, обозначающее ритмический узор, будет правильным сообщить читателю, что и стихотворения здесь построены по принципу чередования тематик, при этом сохраняют общую направленность: о жизни и любви.

Рассуждения автора подчас носят философский характер, однако по форме они просты, что позволяет читателю напрямую соприкоснуться со смыслом текста, не отвлекаясь на поиск толкования философских терминов в специализированном словаре. А выводы автор делает в рамках христианской этики. Например, таково его высказывание о смысле поэзии:

Но одно понимаю, что надо
Вычеканивать тонкость пера.
Дар небесный отнюдь не награда,
А служенье во имя добра.

Уж сколько лет не утихают споры на тему: «Должна ли поэзия служить высоким идеалам?». Одно понятно: лучше служить самой поэзии, тогда она одухотворит любую тему — от злободневной до вечной, близкой каждому. Скажем, близка поэту тема детства. У каждого из нас эта тема отзывается по-разному. Тем не менее, пасторальная картина детства, которую разворачивает перед нами Сергей Каратов, заставляет и нас вспомнить то светлое время, «когда деревья были большими»:

Вижу маму с конем под уздцы
И телегу с рудой златоносной,
И куда-то бегут сорванцы
За пылящей машиной трехосной.

В создании художественного произведения потенциал памяти неисчерпаем. Память ложится в основу лирики, ибо прошлое определяет лирического героя стихотворения наряду с настоящим и будущим, дает ответ на вопрос: кто я такой? Что успел повидать, перечувствовать, осмыслить? Где та исходная точка, от которой строится человеческая жизнь в целом и моя — в частности? Сергей Каратов в своем стихотворении отвечает на этот вопрос прямо:

Где б ни ездил, ни жил, раздвоюсь...
Буду помнить и ночью, и дено:
Обрывается всякая связь,
Только с детством она неизменна.

Книга стихов Петра Гулдедавы «Дневник надежд и сожалений...» состоит из двенадцати разделов, соответственно, по разделу на каждый месяц года. Сами названия разделов довольно любопытны: «Вирази марта», «Гром апрельской капели», «Ноябрьские темы» и т. д.

Перед каждым разделом стоит эпиграф, например, перед «Буйным Февралем» автор посчитал нужным поместить важные слова Преподобного Симеона Псково-Печерского:

Похвала людская, как моль
Или ржа, все изъедает

Пётр Гулдедава очень плодovit и пишет почти каждый день. Собственно, автор и сам знает о возможных претензиях к своей плодovitости:

Мне говорят: «Ты существуешь
В целенаправленном "замесе",
И потихонечку "штампуешь"
По три десятка виршей в месяц»

Но здесь же автор поясняет свою позицию, по сути формулируя собственное отношение к своему ремеслу:

Они — не выплески наитий,
А плод мучительных раздумий

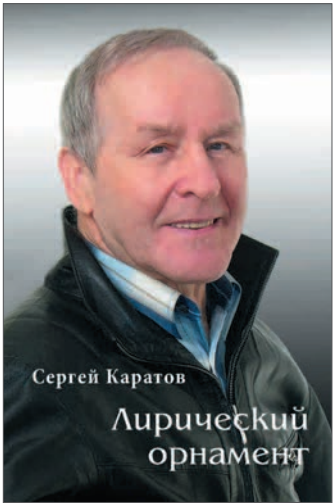
Книга риторична, авторская мысль занимает в ней важное место, а само стихотворчество автор использует в роли некой психотерапии:

Стихи, по сути, — сдача крови
Для оживления эмоций.

Исходя из строк самого автора можно констатировать, что ему важны эмоции. И на уровне сильных эмоций книга весьма насыщена.

Также можно отметить некоторые наиболее запоминающиеся афористичные строки, те, в которых автор с восклицанием делает яркие заявления во весь голос:

Сергей Каратов
Лирический орнамент
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

И тут встает вопрос: как и зачем люди вспоминают события своей жизни? Какую функцию выполняют воспоминания, размышления, передача другим своего уникального жизненного опыта? Способность использовать память дается для представления и планирования будущих событий. Опираясь на прошлое, жить настоящим, смотреть в будущее — вроде бы логично, что человек должен жить именно так. Однако линейное мышление не способно вместить в себя все нюансы человеческого поведения. Память о ребенке, которым был каждый из нас, никуда не исчезла. Она сидит в нашей душе. Как в матрешке, в самой маленькой, которую уже нельзя открыть. Эта часть нашего «Я» и гонит человека на поиски счастья, которое кажется таким далеким. Идешь к нему отнюдь не по прямой, а только ориентируясь на «внутренний компас»:

И вновь ушел.
Сбивался и плутал,
Но в ожиданье сердце билось чаще.
Сдвигалась ночь.
Луна катилась в чашу.
И долго вслед мне
филин хохотал.

Обращаясь к автобиографическим воспоминаниям, человек опирается на них, черпает силы для новых свершений. Даже плутая по жизни, но имея твердые ориентиры, намного легче «вырулить» в нужную точку. Главное — не потерять энергию, падать и вставать, мобилизуя свой внутренний ресурс: достаточно вспомнить, что «а я ведь и это смог, и то преодолел», — глядишь, и ночь не так темна, и рассвет не за горами. Прошлое может разрастись в памяти и в отдельных случаях вытеснять будущее, однако с лирическим героем Сергея Каратова этого не случается. В то же время, автор задается вопросом не только личным, но и «общелитературным». Его волнует тема предназначения поэта. Обрушивая на читателя весьма непростой вопрос, Сергей Каратов рассуждает о будущем, но в том-то и парадокс, что будущее «пощупать» нельзя:

Поэт вопросом задается,
Гуляя в тютчевском плаще:
— Как слово наше отзовется?
И отзовется ль вообще?..

Будем надеяться на лучшее, иначе неинтересно жить. Переживание времени обуславливает его дальнейшее преобразование, причем не только прошлого. Опираясь на впечатления мгновенной памяти, фантазия формирует представление о будущем. Мы же можем сделать все, от нас зависящее, чтобы желаемое сбылось — и «отпустить ситуацию».

Книга Сергея Каратова посвящена разным временным отрезкам, и каждый из них имеет для человека свою ценность. Что же касается основного вопроса — сбудутся ли наши чаяния? — нет смысла заранее предугадывать результат. Время покажет.

Вера КИУЛИНА

Пётр Гулдедава
Дневник надежд и сожалений...
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

Я слишком близко знал гримасы горя,
Чтоб не ценить любой улыбки жизни.

Некоторые строки из книги Петра Гулдедавы перекликаются со словами классиков:

Наперекор непреходящим спорам
Не зря звучит народная молва,
Что лучше вспыхнуть ярким метеором,
Чем истлевать, как сорная трава.

У Сергея Есенина:

И мне — чем сгнивать на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

Есть в книге строки с более явной лирической силой, как правило, это стихи, в которых автор со светлой печалью, а иногда и с некоторой долей сожаления, вспоминает свою буйную молодость, переживает о том, что навсегда утрачено. На мой взгляд, подобные строки самые выразительные во всей книге:

Я вспоминаю прошлые года,
Когда нам счастье звездами мерцало,
Когда вокруг все пело и плясало
И верилось, что это навсегда

Былой восторг отцвел и был таков,
Другой любви уже не ожидаю,
И как букеты ей к ногам кидаю
Листочки отцветающих цветов.

В целом для книги стихотворений Петра Гулдедавы «Дневник надежд и сожалений...» характерно соединение большого эмоционального накала с явной риторичностью и с чувствительной отзывчивостью на современность, в конце концов в самом названии книги заявлено, что это личный дневник. Автор делает много заявлений, затрагивает вопросы духовного характера, подробно разворачивает каждую свою мысль, рефлексировать о своем прошлом. В какой-то мере можно назвать эту книгу исповедью.

Павел ЩЕРБАКОВ

ПРОЗА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Мы живем в очень интересное для пишущей братии время. Сейчас каждый может написать книгу, издать ее, заказать в честь себя любимого пиар-кампанию, организовать презентацию, прикупить по сходной цене литературные премии и т.д. Есть спрос — есть предложение. Деньги — товар — деньги. Капитализм он и в писательской среде капитализм. ...Володька Кодликов написал роман в стихах. Первые строчки там были весьма любопытные:

О, любимая подруга,
У меня один вопрос:
Почему же ты не хочешь
Целовать меня взапас?

Володька пришел с рукописью и флешкой в издательство «За деньги издадим любого», где его любезно встретил главный редактор Азарий Сигизмундович Пузыревский и, полистав несколько страниц романа, сказал, что книга удалась. Да, конечно, издадим. Если вы принесли книгу в наше издательство, значит, она хорошая. Других критериев я не признаю.

— А я еще один роман в стихах пишу. Тоже тогда вам принесу, — продолжил разговор Володька.

— Тогда это будет не хорошая, а очень хорошая книга, — ответил Азарий Сигизмундович.

Договорились о цене. Подписали Договор. И началась работа.

Верстальщица Светлана быстренько сверстала книгу и сделала обложку. Корректор проверил ошибки. Володька утвердил оригинал-макет. И верстку по электронной почте отправили в типографию «Черный квадрат». Через три недели транспортная компания «Танки грязи не боятся» привезла тираж — 300 экз.

Володька приехал в издательство забирать свои книги. И поинтересовался:

— А вы не могли бы, Азарий Сигизмундович, устроить презентацию моей книги?

— Конечно, могу. Сделаем хорошо. Пригласим известных людей, устроим фуршет.

Опять составили Договор. Володька выложил кругленькую сумму. И назначили время и место презентации.

Решили проводить в культурном центре имени Франца Кафки, в центре города.

В назначенное время стали собираться гости. Приехал бывший преподаватель Полиграфического института, а ныне тоже начинающий писатель Савелий Сидорчук, неюная, но симпатичная поэтесса и общественная деятельница Римма Петрова, молоденькая литературная критикесса из газеты «Ты мне, я тебе» Эльвира Бабочкина.

Володька стал читать свои стихи — из вышедшей книги. Опять прозвучало сакраментальное:

О, любимая подруга,
У меня один вопрос:
Почему же ты не хочешь
Целовать меня взапас?

Когда Володька прочитал первую главу огромного стихотворного романа, опытный издатель и пиарщик Пузыревский деликатно остановил разошедшегося автора. И предложил гостям высказаться о прочитанном.

Первым взял слово бывший преподаватель Полиграфического института.

— Книга замечательная! Это несомненная удача не только автора, но и нашего дорогого издателя — Азария Сигизмундовича. Посмотрите, какая здесь бумага, явно

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
ТРИ РАССКАЗА

Евгений Степанов — Президент Союза писателей XXI века, Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг», кандидат филологических наук, литератор.

импортная, офсетная, восемьдесят грамм. Какой капитал! Хороши и аннотация, и авантитул, и шмутцтитул, все издательские номера присутствуют — и ISBN, и штрих-код. Очень — очень хорошая книга.

Поэтесса и общественная деятельница Римма Петрова отметила лиричность поэзии Кодликова и его есенинскую страсть. Но поинтересовалась:

— А почему девушка не хочет целоваться взапас? Она что, фригидная?

Римма кокетливо пожала плечами.

А Володька сказал, что это так, к слову, на самом деле, девушка целуется очень даже хорошо.

Другие ораторы недостатков в романе и вовсе не заметили, а только хвалили Володькин шедевр, а также норовили прочитать свои стихотворные сочинения.

Потом Пузыревский вручил Володьке медаль имени Шекспира и Гёте за «вклад в мировую культуру» и диплом, который до этого распечатала на цветном принтере верстальщица Светлана.

Володька был счастлив.

После презентации состоялся пышный фуршет.

Пузыревский поднял бокал с белым сухим вином и сказал: — Сегодня мы представили вам, дорогие друзья, хорошую книгу хорошего поэта.

А сейчас он работает над своим вторым романом в стихах. Новая книга будет еще лучше. Я не сомневаюсь.

2024

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ ПОСЕЛКОВЫЕ РАССКАЗЫ»

КОТ МУРЛЫКА, КОТОРЫЙ ЛЕЧИЛ МОЮ ДУШУ

Поначалу я не думал переезжать на ПМЖ в свой загородный дом в подмосковном Быкове.

Купил и купил. Как дачу. Я хотел приезжать туда только на выходные. Но дом есть дом — он требует постоянного внимания. И есть еще одно важнейшее отличие дома от дачи: в доме очень быстро появляются коты, собаки и другие друзья человека. И бросить их никак нельзя.

Ну и, конечно, жить в доме намного интереснее и романтичнее.

Город вытягивает из тебя все жилы, а земля дает силы, приводит в чувство, на земле ты становишься хоть немного похож на человека, общаешься с деревьями, кустарниками, растениями, встречаешь рассвет и закат, разжигаешь костер, разговариваешь с животными, которые в плане доброты и разумности нередко превосходят человека, смотришь на прилетевших (точно из детства) зеленых бронзовок и красных майских жуков, ходишь по сосновой хвое и смотришь на небо, которого в мегаполисе нет.

...Когда я приезжал в дом на выходные, ко мне тут же приходила на участок красивая белая кошка. Я делился с ней тем, что у меня было: молоком, хлебом. Кошка быстро ела, пугано озираясь по сторонам, и уходила. В дом не входила. Боялась.

Так происходило месяца три. Когда я уезжал в командировки, то просил своего пожилого отца покормить кошку. Отец всегда помогал, приезжал из Москвы и кормил.

Вскоре до меня дошло, что кошку надо кормить получше — не только хлебом и молоком. Я стал покупать ей кошачий корм Вискас, а также рыбку, сосиски, курятину.

И кошка... зашла в дом. Прыгнула на желтое кожаное кресло. И заснула. Доверилась мне. Осталась. Я понял, что теперь несу полную ответственность и за нее.

Но как быть? У меня в Москве много хлопотных дел — издательство, телеканал в Ютубе, журналы, газеты и т.д. Ездить постоянно из Быково в Москву мне трудно.

И я придумал хитрый вариант: я начал ремонт дома — масштабный, серьезный, многомесячный. Один знакомый дипломат (Николай Геннадиевич Фомин), с которым мы редактировали и выпускали газету общественных организаций МИД РФ, порекомендовал мне хороших рабочих из Белоруссии. Мы сторговались, и они начали ремонт второго этажа дома, а также принялись обшивать сайдингом небольшой, но крепкий сарай, который постепенно становился похожим на уютный двухэтажный домик. Контракт был рассчитан на три месяца.

Я был спокоен, кошка осталась в доме, и рабочие ее кормили. На питание я оставлял деньги. На какое-то время у меня появилась передышка — кошка была пристроена.

Рабочие полюбили кошку и назвали ее Дашей. И Даша прижилась, осталась в доме. И больше с моих восьми соток никуда не уходила.

Кто она? Сколько ей лет? Я ничего не знал. Но когда приезжал в дом на выходные, она меня встречала у калитки. В доме ложилась мне на грудь и обнимала нежными длинными лапами.

Белорусские дисциплинированные рабочие быстро все сделали и уехали. И я опять остался вдвоем с кошкой. Взяв за нее полную ответственность, я, разумеется, не мог ее бросить.

Я стал приглашать жить в дом своих знакомых. На длительный срок никто не соглашался. Неожиданно согласилась переехать на ПМЖ одна красивая эффектная поэтесса, которая недавно вернулась из США, из Майами, и решила остаться в России.

Звали ее Виталина. Было ей слегка за сорок.

Вот Виталина-то меня и спасла. Она поселилась в доме и стала жить с Дашей.

У Виталины было много положительных качеств: она отличалась, как я уже говорил, эффектной красотой (высокая, стройная, голубоглазая, вьющиеся каштановые волосы), писала философские стихи, играла на фортепиано, делала собственными руками ювелирные украшения... А еще она владела шикарным внедорожником марки Сидан. И мы договорились, что Виталина за жилье ничего не платит, но будет забирать меня в пятницу с работы на дачу. Никаких договоров не подписывали. Договорились и стали делить общий кров. При этом мы (как воспитанные и деликатные люди) оставались на Вы. Жили в одном доме в смежных комнатах, но были подчеркнута корректны, никаких фривольностей я себе, разумеется, не позволял, тем более, что у Виталины, как выяснилось позднее, есть муж и двое взрослых детей-студентов. Почему она решила пожить в моем доме — я не вникал. Как говорится, в каждой избушке свои погремушки. Меня все устраивало. Главное: кошка была пристроена. А я мог спокойно заниматься своими московскими суетными буднями.

Однажды, когда Виталина уехала в Москву по своим делам, ко мне наведались в гости знакомые писатели — супружеская пара. Они тоже оказались кошатниками, посмотрели на Дашу очень внимательно и торжественно объявили мне, что кошка Даша — кот. Но кастрированный.

Я не растерялся. И придумал кошке новое имя — Мурлыка. Универсальное имя, подходящее и для кошки, и для кота.

А потом версия моих друзей подтвердилась. Соседка Надя, увидев у меня Мурлыку, сказала, что это кот Айс, который раньше жил у Юльки с Мишкой, моих пьющих соседей, в их доме.

— Кот Айс эмигрировал к тебе, — резюмировала Надя.

— Да, он долго присматривался, потом собрал свои небольшие пожитки и переехал.

— Это кот необычный, — продолжала Надя, — Мама у него — сиамская кошка Пуля, а отец — ангорец. Я Айса помню с его детства. Это очень интеллигентный кот, он всегда оберегал и защищал своих братьев и сестер, всегда ел самый последний, прогонял с участка чужих котов. И, говорят, он целебный. Лечит лапами и мурлыканьем. Цены ему нет. Но Юлька с Мишкой пьют, вот он к тебе и переехал. Ему повезло на старости лет. Айсу, то есть, извини, Мурлыке сейчас пятнадцать лет. Он уже очень возрастной котик. По человеческим меркам, ему за восемьдесят.

Так я узнал историю Мурлыки.

Виталина души не чаяла в коте, разговаривала с ним, кормила его не только Вискасом и сухим кормом, но и шпротами, и красной рыбой, даже мидии ему покупала. Кот ел и наедался за все предыдущие голодные годы. И, конечно, пел благодарные кошачьи песни — мурлыкал.

Если Виталина уезжала в Москву, кот сидел у калитки и ворот и ждал ее. Не отходил. Или запрыгивал на забор и смотрел на улицу. Назад к Юльке и Мишке он больше не возвращался.

А потом (примерно через два года) Виталина решила вернуться в Америку. И мы опять остались с котом вдвоем.

Я стал больше работать на дому, на удаленке, а в Москву выезжал в самом крайнем случае. Мои сотрудники справлялись без меня.

А еще я врезал во входную дверь котоход, и Мурлыка теперь мог заходить в дом (и выходить из него), когда ему надо — без моей помощи.

Окончание на стр. 6

ПРОЗА

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
ТРИ РАССКАЗА

Окончание. Начало на стр. 5

Больше всего кот любил лежать на мне. И обнимал лапами, как человек. Причем, пододвигался поближе к лицу и шее — там, рядом с кадыком, говорят, и находится душа. То есть лечил меня. Лечил мою душу.

Был Мурлыка очень дружелюбный и гостеприимный, всех моих гостей встречал, провожал до дома, как бы приглашал в гости. Всем уделял внимание.

Отъезд Виталины кот тяжело переживал. И ровно полгода каждое утро подходил к воротам, ждал, когда она вернется. Грестил.

Но потом все-таки оттаял, у нас поселились другие пушистые друзья — кошка Монро (котенок со строительного рынка) и кот Пушистик (с помойки), с которыми Мурлыка быстро нашел общий язык. Ему стало повеселее. А у меня стало три кошки.

Постепенно Мурлыка стал моим основным другом. Я и говорил-то, прежде всего, с ним. Кот все понимал. И всегда меня морально поддерживал.

Мы прожили вместе семь лет. Коту исполнилось двадцать два года, по человеческим меркам — это больше ста. Мурлыка заболел раком, в специальной клинике в поселке Быково ему сделали операцию, отрезали ушко. Ветеринар сказал, что жить Мурлыке осталось полгода. Но прошло еще полтора года, а кот по-прежнему лежал на своем желтом кожаном кресле, лежал на мне, отгонял других котов от своей миски. Кот знал свою работу очень хорошо.

А потом я поехал в служебную командировку. Мы открыли новое печатное производство в Белгородской области.

Я попросил соседку Надю особенно следить за Мурлыкой, не только кормить его и менять ему воду, но и разговаривать с ним, общаться, обязательно чесать за ушком и гладить по шерстке.

Надя согласилась. Я оставил много корма, деньги, набил холодильник едой.

Каждый день я звонил Наде и спрашивал, как мой кот, как другие кошки.

Надя говорила, что все нормально, но кот постоянно сидит у калитки — ждет тебя.

А потом Надя позвонила сама и — горько плача — сказала, что Мурлыка умер — в одной из моих теплиц.

Похоронили его на соседнем (зброшенном) участке Надя, Юлька и Мишка, его прежние хозяева. Круг замкнулся.

А мне стало совсем тяжело. Не уберег я Мурлыку.

2024

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ
ПОСЕЛКОВЫЕ РАССКАЗЫ»

ДЯДЯ ЮРА

До шести лет я жил с родителями, старшим братом Жориком и старшей сестрой Маринкой в частном доме, в Кускове, самом красивом месте на земле. Дом наш находился на улице Трудовой, в третьем проезде, в пяти минутах ходьбы от знаменитой графской усадьбы.

Я где-то читал, что человек формируется до пяти-шести лет. Думаю, что это правда. В пять-шесть лет я уже был сложившимся человеком, привыкшим общаться с людьми, которые меня любят, с деревьями, кошками, растениями, смотреть радостно на облака и ничего не бояться, любить жизнь. Каждое утро летом я выбегал из дома на грядки и смотрел: созрела или не созрела клубника... Это было счастье.

Страхи, низменные качества во мне проявились потом — в школьный период, в период социализации и т. д.

А в самом раннем детстве я был частью совершенной природы и сливался с ней воедино.

Фактически, будучи москвичом по рождению и прописке, я представлял собой простого деревенского мальчугана.

Прошло очень много лет, но это желание — утром выбежать на огород и посмотреть: созрела клубника или нет — во мне сохранилось.

Как только у меня появились первые деньги в девяностые годы, я купил небольшую щитовую дачку в живописном и влажном Рузском районе Подмоскovie на станции Партизанская, в 90 км от Москвы; потом, спустя годы, подарил ее своей замечательной сестре Маринке, которая давно стала бабушкой и даже прабабушкой, а сам взял кредит и купил полдома в поселке Быково, в основном Раменском районе, рядом с Москвой — на улице Прудовой. Было мне уже за пятьдесят.

Вот как интересно получается. Жил в Кускове, на Трудовой. Стал жить в Быкове, на Прудовой. Все «зарифмовалось». Круг замкнулся. Я, фактически, пришел к тому, с чего начал.

Дача — это дача. А дом — это дом. Это как туризм и эмиграция... Путать не надо. На дачу ты приехал и уехал. А в доме живешь постоянно.

...Руки у меня растут, увы, не из того места. На любую ремонтную работу мне приходится кого-то нанимать.

А тут такое большое хозяйство... Полдома (100 кв. метров), газовое отопление, вода из скважины, накопительный бачок на втором этаже и т. д.

Конечно, я не был готов на сто процентов к поселковой жизни. И надо было как-то приспособливаться к новой жизни. Слава Богу, повезло с соседкой Надей. Она, быковчанка по рождению, была примерно моих лет, недавно похоронила мужа, и мы по-соседски, по-дружески морально поддерживали друга друга. Надя познакомила меня с местными врача-

ми (в частности, с замечательным стоматологом Данилом Аслановичем), плотниками, а также с пожилым сантехником дядей Юрой.

Без дяди Юры я бы точно в поселке пропал. Это в Москве есть «Жилищник», который решает твои проблемы, а в поселке ты сам по себе, спасайся как можешь. А проблем много. И они постоянные. То кран потечет, то газовая колонка забарахлит, то насос сломается — и воды нет.

Дядя Юра мастер хороший, но человек своеобразный.

...А познакомились мы так. У меня сломался насос. Вода перестала поступать. Слава Богу, я был дома, а не на работе, и располагал временем, чтобы решить проблему. Я набрал домашний телефон дяди Юры (мобильный он не признает).

Я представился, сказал, что я друг и сосед Нади, объяснил ситуацию.

— Ну, а я тут причем? — резко спросил дядя Юра. — Ты насос сломал, а мне чинить?

— Да я не ломал, он сам сломался, — начал я лепетать.

— Все вы так говорите. А сами все ломаете. Сам сломал — сам и чини!

— Но я не умею.

— Значит, плохо учился. Ты вообще где-то учился?

— Да немного учился, — оправдывался я. — Но, видимо, не тому.

— Ладно, — неожиданно сменил гнев на милость дядя Юра, — сейчас приеду. Жди! Значит, ты Надькин сосед?

— Да.

— Открывай калитку!

Через двадцать минут дядя Юра приехал на велосипеде.

Взяв в руки массивный портфель сантехника, пожилой и седой мастер (на вид лет восемьдесят, невысокий, правильные черты лица) прошел в дом.

Я открыл подвал, где у меня насос.

Дядя Юра, кряхтя, туда спустился. Достал из подвала насос. На улице стал чинить. Чинил примерно минут сорок.

Потом опять полез в подвал. Что-то там покрутил, повертел — и насос заработал. Вода пошла.

Я очень обрадовался.

— Сколько я Вам должен? — спросил я дядю Юру.

— Я денег за свои умения не беру, — в очередной раз оголошил меня мастер. — Меня советское государство учило бесплатно, пенсия у меня хорошая, а я теперь долги отдаю... Возвращаю то, что мне дали.

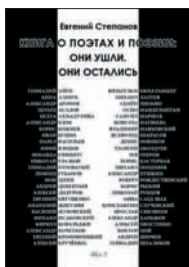
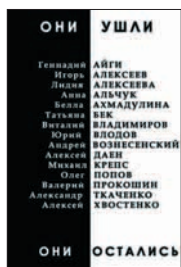
Я растерялся. Я не знал, что делать.

— Может быть, тогда отобедаете? — предложил я. — У меня есть картошка и сало.

— Это можно, — улыбнулся дядя Юра. — накрывай на стол!

2024

РЕКЛАМА

Трехтомник о поэтах и поэзии «Они ушли. Они остались»,
составленный Евгением Степановым,
всегда в продаже в магазине «Литлавка»

<http://litlavka.ru/>

• литературный портал и магазин современной литературы и периодики •

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

книги /// газеты /// журналы /// интернет-издания /// блоги

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

заходите! читайте! заказывайте!

НОВИНКИ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА»

Поэтическое мышление Вячеслава Куприянова по-новому открывается читателю в этой маленькой книге, вышедшей в серии «Авангранды». Что удивительно, стихотворения, представленные на ее страницах, написаны в рифму, в крайнем случае, белым стихом. Мы-то привыкли ассоциировать творчество Вячеслава Глебовича с бунтарским верлибром еще с тех времен, когда некоторых верлибристов презрительно называли «эстетическими диссидентами». В свою очередь, его стихотворения, написанные в соответствии с классическими канонами, приправлены иронией, не агрессивной, но аналитически точно отражающей окружающую действительность:

Не более иных наш век суров.
Лишь гении глядят на нас сурово.
И стоит петь, чтоб не скудело слово
В мерцании светил, среди воров...

Рифмованная поэзия Вячеслава Куприянова разнолика: отсылка к Анненскому, немного от нашей действительности (впрочем, по меткому выражению классика, воровство в России неискоренимо), типично «книжный» глагол из толкового словаря Даля... И все это удивительным образом функционирует, и выглядит современно, остро, «на злобу дня». И — терапевтично: роль поэта видится автору в сегодняшних обстоятельствах необходимой, хотя и трудно живется поэту в обществе. Светила-то все-таки на небе, наверху, а в материальном мире приходится выживать, будучи окруженным не самыми приятными персонажами. Обратите внимание: здесь нет директивы «надо», превозмогая себя, здесь объяснен смысл, ради чего стоит претерпеть. Функция без цели мертва, только смысл одухотворяет любую деятельность... Внимательный читатель заметит, что поэт практически не употребляет местоимение «я», хотя, казалось бы, в рассуждениях о времени и предназначении поэта употребление первого лица более чем оправдано. Однако авторское «я» проявляется в этой книге «в гомеопатических дозах», ровно столько, сколько нужно, чтобы, выйдя из позиции наблюдателя, показать точку, откуда ведется наблюдение, задать начало координат:

Через город лег проселок.
Я иду в разломе неком,
Как последний антрополог
За последним человеком.

Поэт ощущает себя как исследователь, которого человек интересует не только в его взаимоотношениях с физическим миром, но и в контексте его культурной среды. О смысле нахождения человека в этом мире поэт размышляет, часто используя принцип контраста. В стихотворении «Ночные звезды» этот контраст между разумным всеобщим и «маленькими людишками» достигает космических масштабов:

Ночные звезды полыхают,
Дневного солнца ярком лик —
Вселенная не отдыхает,
На миг нанизывая миг.

Да это же архетипичный образ — нити судьбы, и нас не обмануть современным понятием «Вселенная». Мы уносимся в античность, в такие далекие времена, что диву даешься... Но антитеза выводит читателя из состояния легкого транса:

Вячеслав Куприянов Райские птицы поэзии М.: Издательство Евгения Степанова, 2025

За вспышкой вспыхивает вспышка,
Лишь мы живем навеселе,
Как временная передышка
На огнедышащей земле.

Шикарно наречие «навеселе», и не только в качестве рифмы к «земле». Подтекст очевиден: не умеет человек радоваться, не «подогревая» себя искусственно, и трудиться не хочет. Понятен авторский пессимизм, однако это экзистенциальное одиночество в глобальном, так сказать, масштабе. Что же касается личных драм, то читателя не может не растрогать стихотворение «Котенок», в котором малыша просто выгоняют на улицу за инаковость, за то, что шерстка у малыша «чернее сажи»:

И в небо жалобно глядел он,
забавно юн и бестолков,
а там луна котенком белым
лакала сливки облаков.

Можно, конечно, сказать, мол, это метафора, всех «не таких» общество отвергает, неважно по какому признаку идет стигматизация. А мне, например, хочется читать и воспринимать данное стихотворение буквально. И верить, что котенку хватит сил вырасти и выжить в подлунном мире... Противостояние белого и черного, выполняя текстообразующую роль, в поэзии Вячеслава Куприянова доходит до полного отторжения друг друга полюсами этой извечной антитезы:

А ты далеко и не знаешь сама,
Как ветру и мне помочь.
Белым по белому пишет зима.
Черным по черному — ночь.

В данном употреблении цветовой оппозиции не наблюдается традиционной культурной трактовки: «белый — положительный, черный — отрицательный». Оба опасны. Эта особенность лирики Куприянова: непримиримое противоречие оборачивается синонимической парой, изливающейся на читателя ряд печальных образов: одиночества,

холода, смерти... Подобная трансформация привычной цветовой картины мира, кстати, наблюдается и в стихотворениях уже упомянутого И. Анненского. Парадокс: один из лучших верлибристов современности настолько привержен классической литературной традиции, что перенимает у предшественника выразительные средства, дабы не пропало такое сокровище, не осело в архивах.

Смысловые полюса накаляют и глубокий философский текст, на первый взгляд кажущийся отстраненным от религиозности — капля иронии делает стихотворение «Слезы мира» «земным», но от этого не менее печальным:

Глядя на людей и ангелы плачут
их слезы снежинки в Рождественский вечер
а в обычные дни у их слез забота
поддерживать уровень мирового океана

Отсутствие привычной для консервативного читателя пунктуации, как и отсутствие рифмы, ничуть не мешают воспринимать информацию. Здесь эта форма высказывания оказывается удачной, чтобы донести до нас проблему преодоления человеком несовершенства нашего мира. Подсказка дана, только из-за иронической интонации она не выглядит проповедью, а лишь обращает внимание на полярность «праздник» — «будни» и вытекающий из этого сопоставления вопрос: что есть праздник? Так и ответ налицо: когда ты с Богом, тогда каждый день, при всех его проблемах, одухотворен и поэтичен... Естественность интонации, с которой смысловые противопоставления складываются в стройную поэтическую картину, уменьшает дистанцию между автором и читателем, такое ощущение, будто автор шепчет тебе по секрету:

И все-таки все по-разному плачут
чей-то плач разменная мелкая монета
а у иных и слезы золотые
они их складывают в отдельную копилку

Творчество Вячеслава Куприянова соткано из контрастов (один из его поэтических сборников так и называется — «Противоречие»), оттого наблюдения поэта за сущностью человека находят свой отклик у читателя. Жизнь — единство и борьба противоположностей. В творчестве это проявляется особенно ярко. Взаимодействуя друг с другом и с предлагаемыми обстоятельствами, «противники» способствуют созданию запоминающихся лирических образов, которые обретают в художественном тексте свою неповторимую индивидуальность.

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА В ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД»

тел.: • 8 (495) 971 79 25

почта • POETOGRAD@MAIL.RU

сайт • <http://www.poetograd.ru/>

НОВОСТИ

Дети Ра

Международный литературно-художественный журнал

Комплект журналов поэзии «Дети Ра» поступил 23 октября 2024 года в Национальное фондохранилище филиала ИТАР-ТАСС «Российская книжная палата».

Прилагаем опись поступивших журналов.

«Дети Ра», № 1, 2004 — 16 экз.
«Дети Ра», № 2, 2004 — 16 экз.
«Дети Ра», № 3, 2004 — 16 экз.
«Дети Ра», № 4, 2004 — 16 экз.

«Дети Ра», № 1, 2005 — 17 экз.
«Дети Ра», № 2, 2005 — 19 экз.
«Дети Ра», № 3, 2005 — 2 экз.
«Дети Ра», № 4, 2005 — 2 экз.

«Дети Ра», № 1, 2006 — 12 экз.
«Дети Ра», № 2, 2006 — 6 экз.
«Дети Ра», № 3, 2006 — 4 экз.
«Дети Ра», № 4, 2006 — 2 экз.
«Дети Ра», № 5, 2006 — 3 экз.
«Дети Ра», № 6, 2006 — 4 экз.
«Дети Ра», № 7, 2006 — 3 экз.
«Дети Ра», № 8, 2006 — 3 экз.
«Дети Ра», № 9, 2006 — 10 экз.
«Дети Ра», № 10, 2006 — 6 экз.
«Дети Ра», № 11, 2006 — 8 экз.
«Дети Ра», № 12, 2006 — 5 экз.

«Дети Ра», № 1-2, 2007 — 1 экз.
«Дети Ра», № 3-4, 2007 — 4 экз.
«Дети Ра», № 9-10, 2007 — 16 экз.
«Дети Ра», № 11-12, 2007 — 2 экз.

«Дети Ра», № 4, 2008 — 1 экз.
«Дети Ра», № 5, 2008 — 16 экз.
«Дети Ра», № 6, 2008 — 16 экз.
«Дети Ра», № 7, 2008 — 2 экз.
«Дети Ра», № 9, 2008 — 2 экз.
«Дети Ра», № 10, 2008 — 7 экз.
«Дети Ра», № 12, 2008 — 7 экз.

«Дети Ра», № 2, 2009 — 5 экз.
«Дети Ра», № 3, 2009 — 5 экз.
«Дети Ра», № 4, 2009 — 10 экз.
«Дети Ра», № 6, 2009 — 4 экз.
«Дети Ра», № 11, 2009 — 6 экз.

«Дети Ра», № 7, 2010 — 8 экз.
«Дети Ра», № 9, 2010 — 8 экз.
«Дети Ра», № 11, 2010 — 16 экз.

«Дети Ра», № 1, 2011 — 6 экз.
«Дети Ра», № 6, 2011 — 15 экз.
«Дети Ра», № 7, 2011 — 18 экз.
«Дети Ра», № 8, 2011 — 14 экз.
«Дети Ра», № 9, 2011 — 14 экз.
«Дети Ра», № 11, 2011 — 6 экз.
«Дети Ра», № 12, 2011 — 4 экз.

«Дети Ра», № 2, 2012 — 4 экз.
«Дети Ра», № 3, 2012 — 8 экз.
«Дети Ра», № 4, 2012 — 11 экз.
«Дети Ра», № 5, 2012 — 4 экз.
«Дети Ра», № 6, 2012 — 2 экз.
«Дети Ра», № 7, 2012 — 10 экз.

«Дети Ра», № 7, 2013 — 6 экз.
«Дети Ра», № 9, 2013 — 16 экз.
«Дети Ра», № 10, 2013 — 9 экз.

«Дети Ра», № 2, 2015 — 1 экз.
«Дети Ра», № 3, 2015 — 3 экз.
«Дети Ра», № 9, 2015 — 4 экз.
«Дети Ра», № 10, 2015 — 16 экз.
«Дети Ра», № 11, 2015 — 6 экз.
«Дети Ра», № 12, 2015 — 10 экз.

«Дети Ра», № 1, 2016 — 3 экз.
«Дети Ра», № 2, 2016 — 2 экз.
«Дети Ра», № 3, 2016 — 12 экз.
«Дети Ра», № 4, 2016 — 10 экз.
«Дети Ра», № 5, 2016 — 10 экз.
«Дети Ра», № 6, 2016 — 2 экз.
«Дети Ра», № 7, 2016 — 5 экз.
«Дети Ра», № 8, 2016 — 10 экз.
«Дети Ра», № 9, 2016 — 11 экз.
«Дети Ра», № 10, 2016 — 8 экз.
«Дети Ра», № 11, 2016 — 10 экз.
«Дети Ра», № 12, 2016 — 5 экз.

«Дети Ра», № 1, 2017 — 3 экз.
«Дети Ра», № 2, 2017 — 3 экз.
«Дети Ра», № 3, 2017 — 6 экз.
«Дети Ра», № 4, 2017 — 6 экз.
«Дети Ра», № 5, 2017 — 5 экз.
«Дети Ра», № 6, 2017 — 2 экз.
«Дети Ра», № 7, 2017 — 3 экз.
«Дети Ра», № 8, 2017 — 3 экз.

«Дети Ра», № 9, 2017 — 11 экз.
«Дети Ра», № 10, 2017 — 9 экз.
«Дети Ра», № 11, 2017 — 7 экз.
«Дети Ра», № 12, 2017 — 7 экз.

«Дети Ра», № 1, 2018 — 4 экз.
«Дети Ра», № 2, 2018 — 4 экз.
«Дети Ра», № 3, 2018 — 4 экз.
«Дети Ра», № 4, 2018 — 4 экз.
«Дети Ра», № 5, 2018 — 4 экз.
«Дети Ра», № 6, 2018 — 3 экз.
«Дети Ра», № 7, 2018 — 1 экз.
«Дети Ра», № 8, 2018 — 4 экз.
«Дети Ра», № 9, 2018 — 4 экз.
«Дети Ра», № 10, 2018 — 3 экз.
«Дети Ра», № 11, 2018 — 4 экз.
«Дети Ра», № 12, 2018 — 2 экз.

«Дети Ра», № 2, 2022 — 16 экз.

Наш корреспондент попросил прокомментировать это событие бессменного издателя и главного редактора журнала «Дети Ра» **Евгения Степанова**.

— Это очень важное для нас (и думаю, для литературы) дело, — сказал Евгений Викторович, — Печатные номера обязаны быть в центральных библиотеках. Чтобы составить комплект, потребовалось немало усилий и финансовых затрат, но мы это сделали. И работа по составлению полного комплекта всех наших изданий продолжается. И выпуск новых номеров продолжается.

Сергей КИУЛИН
Пресс-служба издательства
«Вест-Консалтинг»

ОБОЗРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СМИ

ОБЗОР ГАЗЕТЫ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗВЕСТИЯ», № 10, 2024

Владимир Одоевский, кажется, совмстил в себе, в алхимическом сосуде собственной личности, столько творческих ипостасей, что ни одно исследование не вместит, тем не менее, **Алла Новикова-Строганова**, чьей статьей об Одоевском открывается октябрьский номер «Литературных известий», пред-

ставляется, сумела разгадать код уникального человека-творца.

Интересно, что в данном номере мало поэзии: плотно представлены рецензии, чье своеобразное искусство подразумевает сочетание наблюдательности и лиричности: так, **Павел Щербаков**, анализируя книгу избранного **Уильяма Эрнеста Хенли**, переводы из которого исполнены **Алексеем Юрьевым**, согласовывает собственный аналитический текст с поэтическим настроением автора, переданным по-русски.

Ольга Ефимова рецензирует «Рассказы и повести» **Ольги Любимовой**; **Александр Карпенко**, рассматривая книгу **Евгения Степанова «Младший брат травы»**, подчеркивает универсальность и всеотзывчивость поэта, виртуозно совмещающего регулярный рифмованный стих и вестерлибра.

Сборник гражданской лирики **«России дух неистребим»** — поэтов МИДа — также рассматривает Павел Щербаков.

Свежи и светлы две сказки Щербакова, представленные газетой; и элемент притчи, вплетенный в обе золотящимися волокнами мудрости, ярко вспыхивает — при внимательном погружении в предложенный мир.

Неожиданный поворот: газета, ориентированная на рафинированные высоты словесного творчества, представляет детектив **Нелли Копейкиной «Солдатик»**.

Впрочем, и детектив может сплетаться из чудесно выверенных, вполне поэтически звучащих фраз-строчек, и, хотя сюжет играет определенную роль, главное, представляется, остается слову: его звучанию, ракурсам, миротворящим возможностям.

Поэтическая осень **Марины Москалевой** раскрывается плавной вибрацией строк:

Осень поэту — сестра и мачеха,
Красная смерть на миру.
Сладко и аутентично плачется
В городе — на ветру.

Лист под ногой — иллюстрация тления
И суеты сует.
«Так-то вот толпы и топчут гения!» —
Нервно бубнит поэт.

Интересно совмещается внешний мир, орнаментами осени украшенный, и попытка постижения кода бытия.

Мир притчи вспыхивает поэтической игрой поэта:

Моя Итака далеко,
И там меня не ждут.
Веселым девушкам легко
Найти себе приют.

Все это верно, но потом,
Когда польют дожди,
Меня потянет в отчий дом —
К гадалке не ходи.

...Мультикультурность стиха **Алексея Пурина** подчеркивает Ольга Ефимова в рецензии на его книгу; а **Вера Киулина** рассматривает вполне любопытное произведение **Лиззи Блу «Укротившая драконов»**; и традиционно изящно-изогнутый кроссворд завершает выпуск газеты.

Читайте, господа!

Не-чтение — одна из худших форм прожигания жизни...

Александр БАЛТИН

ПОЭЗИЯ

ЕВГЕНИЙ ЛЕСИН
КАЖДЫЙ ХОЧЕТ ЛЮБВИ

Евгений Лесин — поэт. Родился в 1965 году в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов, служил в Советской армии, работал инженером-технологом и химиком в котельной. В 1990-м поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. После окончания института, с 1995 года, служил в газете «Книжное обозрение». С 2002-го — в «Независимой газете», книжном приложении «НГ — ExLibris». Автор книг «Записки из похмелья» (2000), «Русские вопли» (2005), «По кабакам и мирам» (2007, совместно с Ольгой Лукас), «Недобор» (2009, совместно с Всеволодом Емелиным), «Легенды и мифы Древней Греции» (2009) и др. Живет в Москве.

* * *

Говорят, небезопасна
Современная душа.
До чего же ты ужасна.
До чего нехороша.

Раскидала по кровати
Руки-ноги — все подряд.
И угрюма ты некстати,
И уныла невпопад.

* * *

Пытался думать головою,
Но радости не получил.
Упал со стула, воем вою.
Труссы порвал, очки разбил.

Два пальца вывихнул. Понуро
Лежу, осколками звеня.
А тут еще клавиатура
Упала сверху на меня.

Любовь — не вздохи под пельмешку
И не прогулки дотемна.
И птицы крикают в насмешку
И вся душа обнажена.

* * *

Пошел на рыбалку,
Поймал русалку.

С хвостом девица,
Купола на спине.
Боюсь, жениться
Придется мне.

ПАРАД

Нет ни супа, ни салата.
Нет ни крема, ни брюле.
У тебя ума палата.
У меня парад-алле.

* * *

Чинил компьютер топором
И сожалел о том потом.

* * *

Желтые одуванчики,
Белые одуванчики,
Голуби, воробьи...
Огари гонят крякв.
Каждый хочет любви
И ночлега.
Теплого снега ждем,
Снега.

ТУЧИ

Тучи принесли всего лишь дождь.
И прохлады чуточку с собой.
Даже ерундой
Доволен человек,
Хоть тучи принесли всего лишь дождь.
А ты сидишь и ждешь
Тысячелетие и век:
Когда же снег?

ОБОЗРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СМИ

ОБЗОР ГАЗЕТЫ «ПОЭТОГРАД», № 10, 2024

Усложненная образность речи — современное сознание и мировосприятие может передаваться только так; а густота говоримого играет медово, наполняя поэтическое действо **Константина Комарова**, чьим стихотворением открывается 10 номер «Поэтограда»:

Глушит слух одинокое пенье
не заметившей лески блесны.
Как гиены на запах гниенья,
на усталость слетаются сны.

Информация о презентации нового выпуска альманаха «Эолова арфа», предложенная **Сергеем Киулиным**, свидетельствует о разнообразии литературной жизни.

Кратко сообщается о новых лауреатах журнала «Дети Ра»: краткость, подразумевающая жизни, жертвенно отданные поэзии.

Природа соотносится со своеобразием душ: раскаты гроз, ассоциирующиеся и с поэзией, и с прозой, точно приоткрывают тайну русского кода — в исполнении **Игоря Витюка**:

Громяхают русские грозы,
Громяхают во все времена.
В них — поэзия жизни и проза,
И извечная в душах война.

Ну, и где же здесь русское счастье? —
Коль идет нескончаемый бой
Между полнящей силы напастью
И теряющей силы душой.

Контрастной бархатистой нежностью зажигается «Русская зима», по-особому прочувствованная... и Витюком, и силой русской всеобщности:

Мы, русские, зиму ждем так упоенно,
Так яро считаем остатние дни,
Как будто ты сразу очнешься влюбленным,
И вместе с любимой вы в мире одни.

Чувственно-образный рассказ **Софьи Оранской** «Художник Слава и призрак Модильяни» — яркий высверк прозы поэта, насыщенной деталями, колоритно играющей тайнами жизни, пропущенными сквозь фильтры авторского дарования.

Иронично-философский **Евгений Минин** дает характеристику веку: нелицеприятную, что уж тут поделывать, но... никто не обвинит поэта в неточности, и, тем не менее, розоватые шары оптимизма не исключаются из онтологии бытия:

Этот век назвал бы лжевеком,
Сложно остаться в нем человеком,
А быть подонком нужно умение,
Но мы остаемся людьми, тем не менее.

Психологические нити, золотясь и серебрясь чувственностью, сильно вибрируют в поэзии **Екатерины Яковлевой**:

Увы, но ты не в силах мне помочь...
Дотронувшись рукою невесомой,
Терзания не напоишь истомой,
Остались двое: только я и ночь.

Пусть утешение нахлынет сном,
Тьма притупит шипы колючих нервов,
И боль уйдет походкою неверной,
Пока светать не станет за окном.

Виртуозно совмещая регулярный рифмованный стих и вести верлибра в своем поэтическом пантеоне, **Евгений Степанов** представлен и тем, и другим вариантами поэзии:

энергичные
обаятельные
пробивные
успешные
и
почему-то
бездарные...

Грустна ирония правды бытия.
...Интеллектуальная насыщенность четырех строк, трактующих признаки пространства и времени, поражает:

Центон торчит, как веред,
Игрой строку круша.

Москва — сезам? Не верит
Моя душа.

А завершает номер изящно-изогнутый литературный кроссворд, составленный **Ольгой Ефимовой**.

Номер, как обычно, насыщенный, соты сверкают драгоценным духовным медом, роскошный осенний поэтический лес предлагает войти в его таинственные мерцания...

Александр БАЛТИН

ПОЭЗИЯ

ГАВРИИЛ МАРКИН
И ТЕЛО ПРОЗРАЧНЕЕ МИРА

Гавриил Маркин — поэт. Родился и живет в Москве, окончил Московский городской педагогический университет и Московский институт иностранных языков; длительное время работал литературным переводчиком. Автор поэтических книг «Облик» (2011), «Ремесло невидимости и оборотничества» (2024), ряда журнальных публикаций. Стихи переводились на чешский и немецкий языки. Член Союза писателей XXI века с 2024 года.

* * *

все спасенное сердцу дороже:
оттенок апрельской зари
дерево в запертой башне

все прихваченное без спроса
и тихие шорохи

это сердце твое
роет нору под корнями
маленькими сизыми лапками

рядом солнце стоит задрав голову

ПРИЧАСТИЕ

Возможно, и ты,
когда привяжем к сосне и отнимем
костяным рубилом язык,
вспомнишь тайное имя солнца,

в необоженных сосудах памяти
голоса достаточно тихие, чтобы быть голосами богов,

остроконечные,
как удары сердца.

* * *

по языку пламени
шаман карабкается на небо
где накренились
льдисто-зеленые чертоги лета

зелеными рукавами
деревья обмахивают луну
уставшую сторожить двери
в чудесное царство исчезновений

пять слишком светлых снов
лету быть еще долго
и тело прозрачнее мира

* * *

Не расступятся, не рассядутся ветви —
не дотянется взглядом озеро
до легкой птицы в твоём —
и только твоём — небе...

воструби,
воструби в полые кости
падчерницы отправленной за спичками,
чтобы в еродиевом гнезде
встрепенулось солнце,

и когда будет гореть твой лес,
взойди на самый высокий пригорок,
бей берцовой костью по умбону щита,
задрав голову к высям
седого июня.

* * *

Сходишь с поезда в желто-синюю весну,
не говоришь ни слова, но тебя слышат старые травы;
и жизнь, куда книги втекают как облака,
похожа на город, сгорающий
по мановенью лепестка незабудки,

и остаются лепестки и плейлисты
и те, чей путь светится сквозь редколесье.

Если сложить вместе тепло всех объятий,
наверное можно расплавить металл.

* * *

Нечто пыталось выбраться из реторты,
пока не превратилось в жидкость и взвесь,
оставив губную помаду на стенках
и отпечатки ладоней:

нам дана философская сера,
хмурая белизна порошков,
нам является тот, кто смотрел
из окон всех городов, юный бог,
играющий на колесной лире,
гибкий, как стрела охотника на луну;

укус осы искрится под кожей
увиденным из космоса мегаполисом —
местом, где кирпичи, обкатанные морем,
высиживает красная птица и народы
на блюде подносят перезрелый виноград
великому доброму змею;

когда все остальное —
твое сердце, —
ищи его среди сверленных камней
на оружейном дворе дьявола,
пока выкипает солнечный свет
из золотой чаши безумца,

в динамике гормональной секреции,
в переливах психических процессов,
в голосе, звучащем
в пустой комнате.

* * *

Те люди верили, что листва — это Бог,
и осенью плач стоял в их поселениях,
ибо умирал Господь, чтоб воскреснуть
в холодном северном мае;

это согласие, до самого конца неизвестное
третьему отделению императорской канцелярии,
так и сгнуло в своих лесах и шепчущих трясинах;
и ветры собирают листья в пригоршни
под сонными звездами.

* * *

Так
нависает над человеком
его страна:
прибывающие птицы
вытесняют небо
и кружат, свиваясь
в гомонящий птицеворот,

и воронка утягивает
в весну. Этот город погибнет,
и купола его распускаются бутонами,
а пока шелестит
книга с отпечатком копыта,
и раскачиваются в колоколах
била кистеней.

* * *

Старик тянет невод из-за края мира,
а в его доме никто не слышит,
как смерть кричит со стропил странным голосом;

все чудесное и все, что должно помнить,
вечно ускользает из рук, как синий клубок,

а вокруг холодящие звезды,
август раздувает на яблонях угли божеств.

* * *

По шатким мосткам через лето, кустистое, лиственное
как стихотворение, написанное компьютерной программой,
идет тишина в синем кафтане, а у нас на кухне
ортодоксально андеграундные пельмешки,
и варит щи матушка-крапива; у крыши нашего дома
16 скатов, как граней у стакана, над ней

синее-синее
солнце июньской ночи.

* * *

Надвинув шапки на глаза, весенние ездоки облаков
выжимают бороды на город; по улицам люди
носят столбы, на столбах — провода,
в проводах говорит

неожиданно сильным голосом прошлое —
камешек
потерялся в латунной трубе.

ПРОЗА

АНДРЕЙ ТАРАКАНОВ
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «АУТИСТЫ»

Андрей Тараканов — врач, доктор медицины, прозаик. В 2025 году в издательстве «Вест-Консалтинг» выйдет его роман «Аутисты». Предлагаем вашему вниманию, уважаемые читатели, фрагмент из этой книги.

ГЛАВА 1

«Может быть, мы и сможем, может, нам все-таки удастся, — прежде чем он успел вспомнить, схватить, задушить, потушить эту мысль, не потому, что он мог на самом деле поверить, что им может удастся, и не потому, что ты не смеешь до конца доверить целиком даже и самому себе заветную надежду или желание, да еще когда оно вот так висит на волоске — этим ты сам же и обречешь его, — но потому, что высказать его словами хотя бы самому себе — это все равно, что чиркнуть спичкой, которая не разгонит мрака, а только осветит его ужас...»

У. Фолкнер. «Осквернитель праха»

Потолок когда-то был белым. Теперь он имел желтоватосерый оттенок с росчерками мелкой сети трещин. Они разбегались по его поверхности, уходя за край доступный взгляду. Наверное, это увлекательно — проследить за лабиринтом из трещин. Слово ребус из детского журнала с заданием найти смысл. Найдешь — и получишь приз. Только пройти сложно. Путано, непонятно до безысходности. Нередко гадаешь долго и в итоге с досадой отбросишь в сторону журнал. Иногда подходили взрослые, смотрели, качали головами, пытались помочь. Не всегда удачно. Оттого становилось особенно обидно. Жизнь — тот же лабиринт, но отбросить в сторону его уже не удастся. Много есть тех, кто пытается помочь. Такие смело, с легкостью вступают в твой лабиринт, сорят советами. Только голоса их не слышны, а услышанные обманчивы. Как правило, помощник скоро ретируется, а наиболее самоуверенные сами теряются в загадочных, многочисленных ходах и ответвлениях. Впору уже им помогать.

Так и она. Кажется, заблудилась. По крайней мере, сейчас она в одиночестве. Растерянно, непонимающе смотрит на хитросплетения ходов, ловушек, тупиков и загогулин, которыми разрисован потолок. Может, это карта ее жизни, тогда где она сейчас, в какой точке? Нет ответа, а без определенного местоположения карта теряет смысл. И не стоит тешить себя иллюзиями, что кто-то придет и поможет выбраться. Есть мнение, что весь мир состоит из иллюзий. Значит, и она выдумка? Чуть двинулась. Скрипнула кровать. Легким холодком коснулась руки простыня. Нет. Она реальна и при желании может разглядеть не только свое живое тело, но даже мысли, ощущения, представления. Верящему в сущее чужда иллюзорность, а не верящему? Если вера потеряна? Следует ее возродить. Долго пытаться? И вновь нет ответа. На реанимацию умершего человека отведено десять минут, а сколько отведено на реанимацию веры, не знает никто. Зачем ей реанимация? Вновь поверить в чудный мир романтики и восторгов? Они скрылись в туманной дали детства, отчасти юности, и полны ошибок, которые до сих пор с ней. Висят на плечах тяжелым грузом. Колют, мучают, ноют в попытке освободиться. Хочется отбросить все сожаления, словно непарный носок, не отстирывающийся носовой платок, порвавшиеся перчатки. Для этого нужно видеть, что выбрасывать, но она не только не видит, не может даже ничего вспомнить. Как это странно! Прошлое словно стерли ластиком. Если его не существовало вовсе, она не жива. Живые ориентируются на память. У нее же вместо воспоминаний усталость и пузырящееся, болезненно-глубокое чувство обиды. Стоп! Обида свидетельствует о наличии прошлого. Она поморщилась в желании хоть что-то представить или хотя бы выдумать. Результат смог бы стать точкой опоры для памяти. Однако воображение повиновалось плохо. Превратилось в нечто медлительное — ленивое, озлобленно-вялое, настроенное к безразличию и критике. Зато жил страх. Он отнимал последние силы. Где-то она слышала, что концентрация рождает силу. Нужно собраться, заострить все внимание на чем-то одном и использовать уже его как начало отсчета. Для начала следовало вспомнить свое имя. Она задумалась, перебирая в уме женские имена, но знакомого, от которого встрепенулось бы сердце, не попало. И сила не пришла. Вместо силы пришел кто-то. Послышались приближающиеся шаги, чужое, чуть хрипловатое, тяжелое дыхание. Совсем рядом.

— Тэ-э-кс! Ну, что тут у нас?

Голос мужской, не молодой, уставший и, как ей показалось, безразличный к происходящему вокруг.

— Наверное, такой же бедолага, как и я. Заблудился, запутался и не признает этого, — подумалось ей. Захотелось посоветовать, улыбнуться, сказать что-то ободряющее. Однако желание это лишь чиркнуло падающей звездой в сознании и погасло. Какое ей дело до его проблем?

Кто-то присел на краешек ее кровати, в самых ногах. Под тяжестью чужого тела скрипнули и прогнулись пружины. Открыть глаза, взглянуть? Зачем? Через мгновение он уйдет и оставит ее в покое. Ее и ее пустоту.

— Пациентка поступила сегодня рано утром. Без документов. В бессознательном состоянии. Осмотрена дежурным хирургом. Обнаружен обширный ушиб мягких тканей вследствие воздействия твердого, тупого предмета. Повреждены кожные покровы; и апоневроз в височно-теменной области слева в виде обширной рваной раны. Подозрение на перелом свода черепа. Рентгенограммой не подтвержден. В неврологическом статусе наличие признаков сотрясения головного мозга. Ушиб головного мозга под вопросом. Проведена первичная хирургическая обработка, наложены швы. Даны назначения в соответствии с диагнозом. При утренней проверке — все жизненные функции в норме. В сознание не приходила.

Так, это кто? Голос другой. Женский, механический, сонный, полный нетерпеливого желания закончить рассказ быстрее и освободиться от бремени обязанностей.

В ответ на услышанное мужской голос кашлянул и недовольно спросил:

— Нейрохирургом осмотрена? Почему положили в терапию?

— Смотрел дежурный. В хирургическом нет мест. — По-прежнему бесцветно ответил женский голос.

Она чувствовала, кто-то взял ее за запястье и пощупал пульс. Незнакомое прикосновение оказалось мягким, теплым, но чужим. Не хотелось, чтобы кто-то касался ее. Пока она размышляла, стоит ли отдернуть руку, невидимые пальцы потянули к ней интерес.

«Жаль, не успела». — Подумала она. — «Совсем коротко. Мог бы и тщательнее посчитать частоту пульса».

Сидевший на краешке кровати медленно поднялся. Пружины вновь возмущенно застонали. Зашелестели бумаги.

— Хорошо. Назначения сохраните, но нужна консультация нейрохирурга. Да, сообщите в органы. Похоже, она не просто стукнулась о косяк двери. Явный криминал. Пусть разбираются. Где взяли ее, откуда привезли?

— Нашел старик — пастух. С козами шляется по оврагам. Заметил случайно.

— Думаете, выкинули с поезда?

— Вряд ли. Далековато до насыпи. Возможно, сама оступилась, упала. В том месте, по вершине оврага, как раз тропа.

— Овраг. Это тот, где глину добывали раньше?

— Ага. Еще легко отделалась. Склон там обрывистый, метров десять вниз и камней полно.

— Камней? Да. Повезло. Красивая. Хотя... красивым всегда что-то достается.

Значит, она еще и красивая. Могли бы лучше описать, но они спешат. Что им до нее? Им она безразлична. И ей все равно. Горько соглашаться, но с человеком происходит лишь то, чему тот позволяет случиться. И не важно — осознанно или нет. Еще мгновение назад она желала одиночества. Получите. Зато заметили — она привлекательна. Мужчина сразу отметил. Пустячок, а приятно. Стоит самой взглянуть. Интересно, здесь есть зеркало? Она двинулась, но поняла — не сможет. Все вокруг заколыхалось и поплыло, затерялось в тумане, из глубин которого невидимые били колокола. Мерно, напряженно, тяжело: бом-м, бом-м. Тревога, пожар, церковная служба?.. Звуки удалялись, а вместе с ними мысли, ощущения, желания, даже сама возможность хоть какого-то спасения от падения в иное измерение. Измерение небытия. Туда, где отсутствуют определения, выбор и время.

Голоса выдернули ее из пустоты. Тут же воскресли переживания. Отчего-то перекикивая все остальные, громче всех звучала неприязнь. К кому? Беспредметно. Прислушалась.

— Нет. В сознание не приходила, но опасности для жизни не вижу.

— Разве такое возможно?

— Ну, как вам объяснить. Это словно глубокий обморок.

— Наркотики?

— Возможно, но не обязательно. Скажу больше — маловероятно.

— Почему?

— Сердечная деятельность и дыхание стабильны. Зрачки адекватно реагируют на свет. В общем, симпатическая нервная система не отреагировала. Скорее, мы наблюдаем последствия травмы. Нейрохирург исключил наличие внутричерепной гематомы, и это главное. Думаю, она скоро придет в себя, но пока лучше пациентку не тревожить.

— Надо поговорить сейчас. Почему нельзя, если ничего страшного? Дайте ей чего-нибудь! Пусть проснется!

— Все необходимое сделали. Больше излишне. Пусть время поработает на нас.

— На вас! Не на меня. Впереди выходные. У меня планы! Забот кроме нее хватает. Давайте, давайте, доктор! Живее! Сделайте ей укол! Не могу ждать.

Она почувствовала, кто-то склонился над ней. Появлялось смрадом. Гнилостно-алкогольным, сладковатым, вызывающим тошноту. Неужели так гадко может пахнуть изо рта? Видимо, это тот нетерпеливый, у которого много забот. Похлопал легонько ее ладонью по щеке.

— Эй! Как там тебя?

— Что вы делаете?!

Это протест первого, но она уже медленно, с трудом открыла глаза. Над ней висело мужское лицо. Молодое, с мешковидными отеками под глазами, нездоровой желтизной и жирными складками на щеках. Короткая стрижка, порез от бритвы. Лучше бы не брился вовсе. Щетина редкая, растет островками. В местах, где лезвие бритвы не коснулось, имеет рыжий цвет, почти не видна. Выше глаза. Тусклые, бесчувственные, словно из колодцев.

— О! Не хотели делать укол? И не надо! Очухалась? Как звать? Как попала в овраг? Документы где?

Молодой полез рукой в нагрудный карман своего мягкого форменного кителя. Оттуда посыпался мелкий мусор и табачные крошки. Хотелось отмахнуться рукой от мусора, от этого лица. Маячит над ней, словно назойливая муха. Сил нет. Посмотрела мимо в надежде увидеть второго. Тот стоял рядом. Пожилой, седой, в белом халате и белой медицинской шапочке. Радостно оживился ее движению.

— Подождите-ка, — попытался он оттеснить молодого. — Я хотел бы еще раз осмотреть ее.

— Мне допросить — две минуты, а потом делайте, что хотите!

— Нет! Своими наскоками вы вгоните ее обратно в кому!

— Какие проблемы, доктор, она уже не спит и может ответить. — Молодой выудил, наконец, из нагрудного кармана папиросу и сунул ее себе в рот.

— Вы собираетесь закурить здесь? — Гневно вскинул брови пожилой в белом халате.

— Тогда не мешайте! — взвизгнул молодой.

— Пусть спрашивает, — проговорила она. Собственный голос показался чужим. Хриплый, тихий. Лучше помолчать, но хотелось завершить все быстрее, остаться одной.

— Имя, возраст, обстоятельства, как попала сюда? Не помнишь или не хочешь говорить? В СИЗО захотела?! Там сразу вспомнишь! — обрадовался молодой. — Где поделницу оставила, что с ней не поделили?

Подобные самоуверенные и наглые все привыкли брать нахрапом. «Куй железо, пока горячо». Раньше она таких отшивала от себя одной фразой. Бросала в лицо что-нибудь насмешливое, высокомерное. Хотела и сейчас, но отчего-то на ум не приходило ничего. Напряжение привело лишь к тому, что веки потяжелели и мир начал вновь терять свои очертания.

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 21 ГОД.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

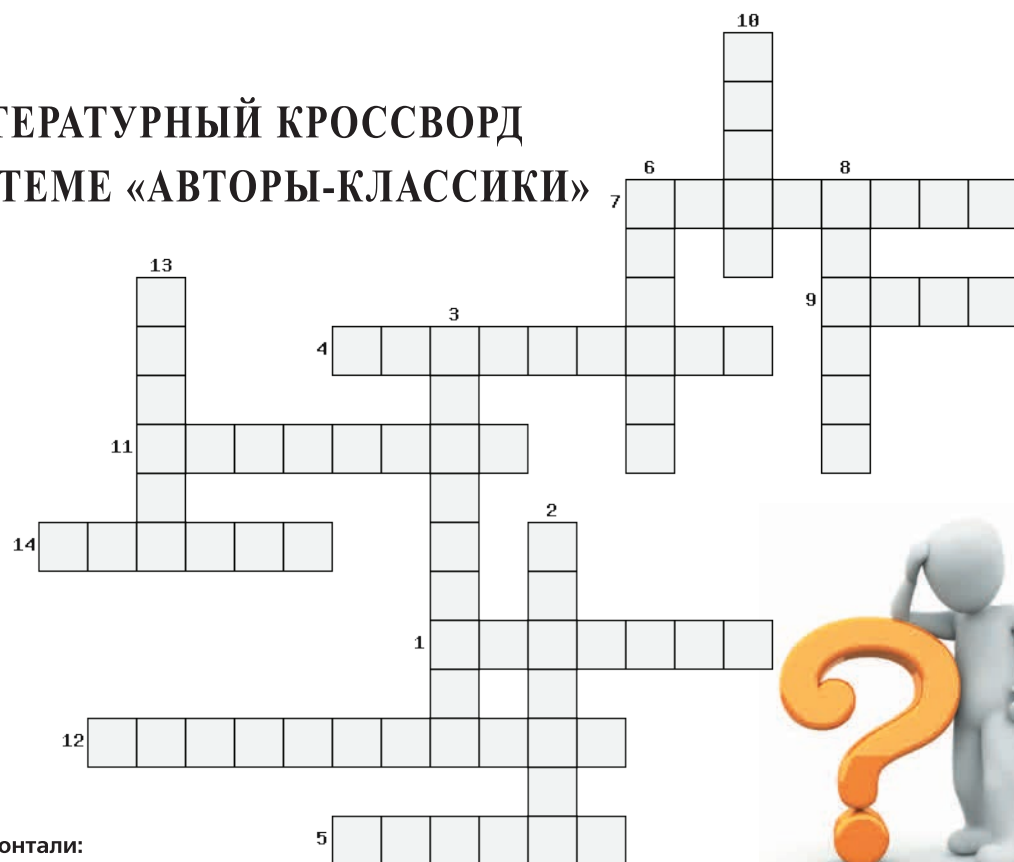
МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

По горизонтали:

1. Автор романа «Анна Каренина».
4. Автор романа «Доктор Живаго».
5. Автор романа «1984».
7. Автор романа «Мастер и Маргарита».
9. Автор романа «Три мушкетера».
11. Автор романа «Вино из одуванчиков».
12. Автор романа «Преступление и наказание».
14. Автор романа «Сто лет одиночества».

По вертикали:

2. Автор романа «Моби Дик, или Белый Кит».
3. Автор романа «Дон Кихот».
6. Автор романа «Джейн Эйр».
8. Автор романа «Кролик, беги».
10. Автор романа «Война миров».
13. Автор романа «Госпожа Бовари».

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 5871. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007